

КРИМИНАЛЬНАЯ ПРОЗА

ДЕНИС ВОРОНИН

**КРОВЬ
как
ЛИМОНАД**

Москва
Издательство АСТ

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
В75

Серия «Криминальная проза»
Серийное оформление и дизайн обложки:
Юлия Межова

Воронин, Денис Алексеевич
В75 Кровь как лимонад / Денис Воронин. — Москва:
Издательство АСТ, 2019. — 476, {2} с. (Криминаль-
ная проза).

ISBN 978-5-17-112831-9

Рано или поздно он сорвется, вопрос — когда?..

Высокооктановый микс нордического триллера, городской драмы и «лав стори». Роман о борьбе за жизнь. О «драконе с татуировкой девушки». О независимом расследовании копа-эпилептика. О краеведах-лудоманах, фриковатых киллерах и ребятах с нашего двора, всегда готовых прийти на выручку. О промзонах, где легко спрятать труп, и о больницах, где можно найти отрубленную голову.

Никакой пощады читателю — ритмичный синтаксис, оторванные ото сна часы в переживаниях за героев и загубленные нервные клетки после финальной точки.

© Денис Воронин, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

Софии, которая, наверное,
знает эту книгу наизусть

— Бабушка Саида! — слышит она звонкий ребячий голос. — Бабушка Саида! Тебя ищут!

Она оборачивается и видит, как из-за угла дома выскакивает Юсуф, внук Бати, которую Саида знает, кажется, всю жизнь. Мальчишка худенький и выглядит младше своих восьми лет. Темноволосый, смуглый, со сбитыми коленями. Очень славный. Учится на четверки, помогает Бати нянчиться с Зейнаб, своей младшей сестренкой, и по хозяйству, пока его отец и мать работают на «Дагдизеле», кормят семью.

Юсуф останавливается перед Саидой, запрокидывает голову и выпаливает:

— Бабушка Саида, знаешь что? Там тебя какой-то дяденька ищет. Приходил в ту квартиру, где ты раньше жила. Я сказал, что ты здесь.

Саида улыбается, ласково гладит мальчика, взъерошивая ему волосы. Говорит:

— Спасибо, Юсуф.

— Он сюда идет! — говорит мальчик и убегает, словно его подхватывает порыв теплого весеннего ветра.

Саида глядит ему вслед. Вздыхает. Ее внуки чуть старше Юсуфа. Она видела их два раза, когда приезжала в гости к сыну. Ну и еще на фотографиях. На ярких цветных снимках они почти никогда не смотрят

в объектив. Сразу понятно, что постоянно возятся и взбрыкивают, как жеребята. Хорошие фотографии и хорошие внуки, но Саида не видела, как они растут, не сидела над ними по ночам, когда они болели, не рассказывала им сказки. Плохо, когда в старости живешь одна. Не по-человечески. Но так же не по-человечески было бы и уехать вместе с семьей сына из тех мест, где она прожила всю свою жизнь, где родила одного — больше Аллах не дал — ребенка, где похоронила мужа. Куда давным-давно, когда этот город еще был просто поселком Двигательстроем, приехал ее отец и познакомился здесь с молодой, веселого нрава красавицей аваркой, ее матерью.

Как ни просили сын с невесткой ехать с ними, отказалась. Что ей делать в чужом городе на море, где даже вода несоленая, потому что оно и не море вовсе?

Свою землю и табун знает.

— Здесь! Здесь она! — это непоседа Юсуф уже обежал вокруг дома и ведет того, кто ее ищет.

За Юсуфом идет молодой парень в красно-желтом рабочем комбинезоне с надписью: «ДНЛ». В руках у него большой толстый конверт — скорее маленькая бандероль, чем письмо.

— Добрый день. Багаутдинова Саида Ильдаровна? — спрашивает парень, подходя.

Женщина кивает, а Юсуф выкрикивает:

— Это она, это бабушка Саида!

— Юсуф-джан, — говорит она, — не кричи, будь хорошим мальчиком.

— Адрес указан другой, — замечает курьер. — Паспорт у вас есть?

— Дорогой, — улыбается Саида, — откуда у меня с собой паспорт? Дома лежит. А адрес у тебя написан — дом семнадцать, квартира девять. Я раньше там жила,

теперь перебралась сюда, по соседству. Сын уехал, а мне зачем одной большая квартира? Вот и поменялась. А тот, кто прислал посылку, этого не знал. Наверное, давно здесь не был.

Курьер качает головой, давая понять, что ему это неинтересно, а работа есть работа.

— Я могу сходить за паспортом, — предлагает Саида.

Курьер смотрит на нее. Пожилая женщина, сколько времени она будет ходить? А у него еще полно дел.

— Ладно, — говорит наконец он. — Я отдам вам конверт, а вы распишитесь и расшифруйте подпись, только полностью, пожалуйста.

Он передает Саиде конверт — из плотной желтовато-серой бумаги, легкий, почти невесомый. Что в нем такое? На самом конверте напечатан адрес отделения, откуда отправлена посылка. Саида разбирает только последние слова: «La Habana, Cuba». Расписывается в квитанции курьера, сожалея, что не взяла с собой из дома денег. По-хорошему, надо отблагодарить парня. Но тот не ждет вознаграждения — просто отрывает и отдает Саиде копию квитанции, кивает на ее благодарности, говорит:

— До свидания!

— Всего доброго, — улыбается Саида, а Юсуф бежит за курьером и кричит:

— До свидания! До свидания!

Потом он возвращается к Саиде и спрашивает, указывая на конверт:

— Бабушка Саида, а что там?

— Не спеши, Юсуф-джан, — делает строгое лицо Саида. — Торопливая муха в молоко попадает. Приду домой, открою. Вечером тебе и бабушке твоей расскажу.

— Бабушка же на базар ушла, — сердито произносит Юсуф. — Но к вечеру вернется. Хорошо! А я пока побегу к ребятам!

Он уносится. Саида смотрит ему вслед, снова улыбается.

Она заходит в дом, поднимается в свою квартиру. Снимает обувь, проходит на кухню и читает, что написано на конверте. Имени отправителя нет. Саида пожимает плечами и распечатывает конверт. Из конверта выпадают куски упаковочного гофрокартона, потом у Саиды на ладони оказывается цилиндр из прозрачного пластика. Небольшой, вроде баночки мыльных пузырей, которые она на той неделе покупала Юсуфу. Внутри цилиндра переливается налитая не до самого верха вязкая жидкость и что-то плавает — как рыбка в аквариуме. Что-то вытянутое, бледно-розового цвета.

Как палец.

Внимательно приглядевшись к предмету, Саида трясущимися руками ставит пластиковый цилиндр на стол. Отодвигает от себя. Глотает воздух пересохшим ртом. Это такая шутка? Ей говорили, что в больших городах есть магазины со всякими похожими штуками — вроде резиновых собачьих какашек. Может, это тоже ненастоящее?

Она осторожно приближает пластиковый цилиндр к себе. Внимательно разглядывает его содержимое. Замечает короткие черные волоски и вздрагивает, понимая, что это не игрушка.

На столе у нее — отрезанный человеческий палец.

1. БЫСТРЫЕ ТАЧКИ

С Джонни Деппом он познакомился в четверг, в последний день сентября. Случилось это на Будапештской, в одном из купчинских дворов. Жека подошел к нему со спины и, когда Джонни Депп обернулся, опечалил его деревянной ножкой стула по голове.

* * *

Тем утром он проснулся с головной болью и неприятным воспоминанием о вчерашней высокомерной, клинически высокомерной — ну вот прямо держательница трастового фонда или невеста принца Брунея — «спасибо, что проводил» — суке. Морщась, прошел на кухню. Две таблетки ибупрофена залил двумя чашками свежесваренного крепкого кофе. Головная боль понемногу отступила.

Из окна были видны желтое, как разбитое яйцо, холодное солнце и безоблачное синее небо, рухнувшее на город. Придавленные космосом машины голосили в пробке на Ленинском. Подумалось, что хорошо бы выйти из дома и пройтись до магазина — не за продуктами, а для процесса, чтобы подышать воздухом и размяться. Вчера Жека нарушил одно из своих правил — не пить перед работой. Так уж получилось. Ну,

себе дал слово, у себя же и забрал. Принципы иногда надо нарушать, иначе от них нет никакой радости. Но голову все равно стоит проветрить.

Да и молоко почти кончилось.

Он натянул купленные на итальянских распродажах синие, с потертостями, чуть мешковатые джинсы и коричневую кенгуруху с эмблемой нелюбимого (постоянная изжога от него) «Jack Daniels», на ноги — «гриндерсы» из как бы поколупанной от старости черной кожи. Пригладил рукой короткие волосы. Почистит зубы и побреется потом — когда вернется.

На улице было прохладно. Слабый ветерок гонял по асфальту опавшие кленовые листья. Возле подъезда какой-то незнакомый чувак — снимающий или только что купивший в этом доме квартиру — возился с запаской своего «Форд-Фокуса». Обернулся на Жеку и вернулся к своему занятию. Жека оценивающе пригляделся к «феде». Тачка из тех, которые покупают в кредит по правительственной программе. Пока пять лет делаешь взносы, машина превращается в ржавую помойку с движком, требующим капремонта. Жену-толстуху в гипермаркет на такой отвезти еще можно, а вот приглянувшуюся новенькую коллегу из соседнего отдела в боулинг — уже как-то стремно.

На дальнем конце двора маячила худая длинная фигура — Восьмибитный слонялся с Галстуком. Жека подошел поздороваться.

— Привет.

— Э... Привет...

Галстук — спаниель песочного цвета — дружелюбно твякнул и с интересом уставился на них.

— Э... Жека, сигой угостишь? — кротко улыбнулся Восьмибитный.

— Нет у меня, я же бросил.

Они посмотрели друг на друга. Жека вспомнил, что уже пару раз говорил об этом Восьмибитному, но, пока тот запомнит, Жека опять развяжет с никотином. Замкнутый круг. Долгое время он думал, что прозвище Восьмибитный означает разрядность мозга его обладателя. Парень был вроде деревенского дурачка: ума хватало только на то, чтобы гулять с собакой, но потом Жеке объяснили, что дело в телосложении парня. Тот был худым и длинным, как, наверное, восемь бейсбольных бит, поставленных одна на одну. Жил с бабушкой и дедом, вышедшим на пенсию мореманом, не один десяток лет ходившим помощником капитана по Северному морскому пути. Теперь бывший морской волк проводил все свободное время, смотря на предельной громкости «Дом 2» и канал «Нэшнл джеографик», невзирая на жалобы соседей, а его внук во дворе пересказывал всем, кто готов был слушать, передачи о зверях, путешествиях и изобретениях.

— Что нового? — поинтересовался Жека.

— Э... Да Галстук вот, зараза, жрет каждый день. Бабушка ругается, говорит, что денег нет, а он ест и ест... — все это без иронии или усмешки, на полном серьезе. — А ты как?

— Ну, — пожал плечами Жека, — курить вот бросил.

— Это хорошо. Знаешь, тоже хочу. А то ведь вредно... Думаешь, получится?

— Главное — сильно захотеть.

— Ага! — закивал головой Восьмибитный. — Только курить сильнее хочется... Слышал, что... Эти... Американцы отправили спутник на Марс?

— Да? Вот услышал... Ладно, пойду я.

Жека потрепал по голове собаку — та завиляла хвостом — и двинулся к выходу со двора.

Пробка на проспекте понемногу рассасывалась, и пришлось ждать зеленого сигнала светофора, чтобы перейти проезжую часть.

В минимаркете, который держала семья армян, он на какое-то время замер перед полками с молочкой. Хотелось чего-то натурального, а не просто веселых коров на упаковке. После нескольких минут мучительного выбора с литровой коробкой пастеризованного молока в руке подошел к кассе. В углу возле кассы стояла сваренная из прутка-«десятки» клетка, уменьшенная копия тех, где подсудимые ожидают приговора судьи. На запирающейся на замок дверце — табличка с надписью: «Я хотел украсть в этом магазине, а теперь сижу и жду полицию». В клетке стояли ящики с яблоками. А на кассе работала девчонка с района, с которой одно время встречался Пряник. Как ее звали, Жека не помнил.

— Приветик, — сказал Жека, ставя на кассовую ленту молоко.

— Приветик, — улыбнулась девушка.

— Давненько тебя не видел.

— Я в Турцию с подружками летала.

— В Турцию? Клево!

— Да, очень понравилось. Море там такое...

— Ага... Еще пачку «Петра», пожалуйста... Загар тебе очень идет... Турки, наверное, за тобой там только и пришлепывали, да?.. А я так все лето в городе проторчал. Хорошо, хоть кондиционер дома поставил... Да не надо копеек... Слушай, а что, яблоки хотели украсть? Утку?.. Ага, пока.

Проклятый светофор, похоже, на неопределенный срок завис на красном. А машины уже летят — так, что и не перескочишь. С покупками в руках Жека стоял у пешеходного перехода. Почему-то загорелая кас-

сирша напомнила ему вчерашнюю новую знакомую. Ее злые, как пластинка «Prodigy» «The Fat of the Land», глаза и насмешливая улыбка, сраными любовными пулями пробивающая его тело. Ну и угораздило же!.. Жека шагнул на дорогу и очнулся от резкого визга тормозов. Дымя резиной, перед ним остановилась черная «мазда». Жека запоздало отскочил обратно на тротуар, а водитель — похожий на банковского клерка и примерного семьянина немолодой шпак в пиджаке — опустил стекло и испуганно заорал ему:

— Ты охренел под колеса лезть?

— Извини, мужик, — примирительно помахал Жека свободной рукой. — Задумался. Влюбился тут в одну козу... Молока хочешь?

— Влюбился он, — проворчал водитель и дал по газам.

Повезло еще, что у кекса хорошие реакция и тормозные колодки, а то бы сейчас укувыркался весь переломанный за сто метров и валялся бы, пока ангелы не ухватили бы за капюшон и не потащили к себе на небо.

Во дворе Восьмибитный с Галстукком общались с Валерием Ивановичем — старичком, всю жизнь проработавшим слесарем на Кировском заводе, но теперь почему-то втиравшим, что он был запасным в Отряде космонавтов. Этот с удовольствием послушает Восьмибитного про марсианскую экспедицию. Галстук подался было к Жеке, но хозяин дернул поводок назад. Жека поздоровался с Валерием Ивановичем и протянул Восьмибитному (кажется, его Толиком зовут?) пачку «Петра».

— Э... Спасибо, — сказал тот.

— Я говорю, что нужно бросать курить, а ты ему отраву в рот суешь! — крикнул вслед Жеке бывший

слесарь-космонавт и уже тише, отвернувшись: — А ну-ка, дай и мне... У-у-у, хороший пес...

— Жек! — окликнул его кто-то у самых дверей подъезда.

Он обернулся. Горец — высокий, выше даже Восемьбитного — бывший Жекин одноклассник, живущий в их доме. Скуластый, патлатый, в камуфляжных штанах, с рюкзаком за спиной. В руках он держал выкованную из серого блестящего металла розу.

— Здоров!

— И тебе! Ты куда это таким садовником?

— К Полинке. Хочу ей розу подарить, позвать в киняшку... Пропустишь, чтобы не звонить по домофону? Сюрприз устрою.

— Давай,— Жека придержал дверь, пропуская Горца. — Где такой цветочек миленький взял? С кладбища упер?

— В кузне выковал. Ароныч немного подмог, а так — сам... Нравится?

— Главное, чтобы Полинке понравился,— дипломатично увернулся от ответа Жека.

— Но оригинально ведь, да? Намекает на мои к ней железные чувства, все такое...

— Это точно. Только в вазу не ставьте — разобьете еще или хрусталь поцарапаете. И роза заржавеет... Как чувства...

— Если выгонит, я к тебе зайду, можно? — сказал Горец в спину поднимающемуся на этаж выше Жеке. — Заодно книжку отдашь.

— Какую? — не смог вспомнить Жека.

— Про пороховых магов. Уже год, как читаешь.

— А, если год, тогда прочитал, наверное.

Дома сразу, пока не забыл, Жека поискал книгу. Не нашел. Про пороховых магов? Он не помнил, чтобы

читал такое. Ладно, потом найдет. Горец все равно не зашел.

Стоя в душе под сильными струями воды, окончательно прочищающими голову, Жека размышлял — как скоротать время до вечера. Вырисовывался вариант засесть за «Red Dead Redemption». Скоро уже выйдет вторая часть, а он все с первой возится. Еще в школе учителя говорили, что ему не хватает усидчивости. Или стянуть с торрента и посмотреть пару серий «Дэдвуда» — сериала, про который ему рассказал Горец? Но тут другая проблема — получится ли скачать? Своего доступа в сеть у Жеки не было. Зачем, если всегда найдется парочка соседей, не защищающих паролем свой вай-фай? Правда, сейчас они могли быть и на работе. Вытираясь большим махровым полотенцем, Жека решил все-таки врубиться в «лошадь и револьвер». Скитаясь по виртуальным каньонам и отстреливая из цифрового винчестера как хороших челов, так и покусившихся на его добро негодяев, он время от времени поглядывал на часы. Не прозевать бы...

В себя он пришел, когда серые пальцы осенних сумерек коснулись занавесок. Взгляд на часы — он уже опаздывал. Быстро собравшись, Жека натянул худи, сунул в рюкзак с вещами ключи и вышел. В магазине, куда заходил утром (знакомой кассирши не было видно), взял банку энергетика. Открыл ее, шагая к автобусной остановке. Энергетик шипящим, странно пахнущим драконом полился в желудок, еще на шаг приближая Жеку к язве.

Поездка на общественном транспорте в час пик — кошмар наяву. Усталые некрасивые люди едут с работы, чтобы съесть какой-нибудь еды, помочь сделать детям уроки, повтыкать перед теликом или компьютером — вроде как отдохнуть — и лечь спать в полпер-

вого ночи, чтобы завтра в шесть или в семь утра быть разбуженным будильником.

Автобус тряхнуло на ухабе, и инерция впечатала Жеку в какого-то работягу, одной рукой висевшего на поручне, а другой сжимающего бутылку пива. Пиво выплеснулось на сидящую у окна тетку. Та громко заругалась. Мужик стал оправдываться и переводить стрелки на Жеку. Вот же козлице. «Завали-ка хлеба-ло», — хотел сказать ему Жека, но передумал. Мужик был вдвое крупнее. Еще найдет коса на камень. Пивной продолжал что-то гундеть, как пчела, накрытая жестяным ведром. В этот момент Жека нашел выход. Повернувшись к мужику, сказал с жутким акцентом:

— Ю вуд хэв брот э плейт оф суп энд эйт ит, скамбэг! (Ты бы еще принес суп и ел бы его здесь, мудак!)

И стал протискиваться к дверям — автобус подъезжал к его остановке. Краем глаза увидел, как улыбнулась стоявшая рядом с ними пожилая женщина, похожая на работника библиотеки или учительницу. Услышал за спиной голос пивного:

— Понаехали, бя!

* * *

Любовь к скорости и — особенно — к быстрым механизмам появилась у него в детстве.

Сразу, когда он в первый раз сел на новенький «орленок» и, с трудом удерживая равновесие, неуверенно закрутил педали. Потом двоюродный брат, который жил в деревне, сажал его на мотоцикл «Восход» у себя за спиной, и они мчались по сельским и лесным дорогам. Ему нравились чувство скорости и запах бензина, нравилось, обхватив спину брата, выставить голову навстречу ветру и пролетающим мимо